

Это был день, когда Жун Бай снова отправился в гости к Ли Дачэну. Стоя перед зеркалом, он оглядывал себя: элегантный деловой костюм, начищенные до блеска крупные кожаные туфли и темно-синий галстук.

Вот только прическа выглядела далеко не безупречно: давно не стриженная челка почти закрывала глаза, превращаясь в комичную шторку.

Он каждый день готовил для Цзян Яньбая коробку с обедом, но и во время учебы мальчика не сидел сложа руки — всё свободное время уходило на то, чтобы наблюдать за всем происходящим вокруг. Расспросив соседских старожилов по крупицам, Жун Бай в конце концов восстановил всю предысторию Цзян Яньбая.

Однако прошло много времени, и Жун Бай смог узнать лишь самую малость о происхождении мальчика.

Но даже этой малости хватило, чтобы Жун Бай покрылся холодным потом.

Шагая по улице, Жун Бай чувствовал, как под подошвами скопилась грязь от луж. Он поднял голову и окинул взглядом окружающие обветшалые многоэтажки, гадая, когда же их решат снести. Дети в ватниках носились по улице, то и дело оглядываясь на этого мужчину, совершенно выбивавшегося из здешней обстановки.

И в этот раз Жун Бай пришел не с пустыми руками. Не зная, что именно купить, он снова порывлся в кладовой и вытащил наружу старые часы. Из-за золотого напыления они выглядели безвкусно, и ни Жун Бай, ни Цзян Яньбай не любили этот кричащий шик, поэтому вещь просто пылилась без дела.

Жун Бай выбрал для визита вечер пятницы, рассчитывая забрать Цзян Яньбая к себе на выходные.

Сейчас он понятия не имел, почему вернулся в эту эпоху, но ключ к разгадке наверняка крылся в самом Цзян Яньбае.

— Какие красивые часы, — Ли Фу сидел на коленях у Ли Дачэна и любовался часами, которые тот уже застегнул на запястье. Его глаза были очень похожи на глаза Ли Дачэна, и сейчас в них горел точно такой же огонек — огонек жадности.

Ли Жу и Ян Цзиньчай сидели неподалеку, не смея даже приблизиться, чтобы взглянуть на подарок или дотронуться до него.

Ли Жу была на два года младше Ли Фу, но по сравнению с братом выглядела такой хрупкой, что, казалось, ее сдует первым же порывом ветра. Если тело ее брата сплошь состояло из жира, то ее саму покрывала лишь тонкая кожица, обтягивавшая хрупкие детские кости.

Обращались с ней намного лучше, чем с Цзян Яньбаем, которому не доставалось даже того уважения, какое оказывали слугам, но если рассуждать о том, в чем заключалось это благополучие, то сводилось оно разве что к возможности доедать объедки со стола отца и брата.

Ли Дачэн громко рассмеялся, и от этого Жун Бай стал казаться ему еще более симпатичным. Пусть Жун Бай и приходился родственником семье Цзян Яньбая, было очевидно, что он вовсе не собирался идти против него войной и вряд ли претендовал на наследство, оставленное отцом мальчика. Раз уж так сложилось, почему бы не завязать дружбу с таким богатым и простодушным мажором?

— Насчет того помещения под магазин, о котором ты говорил в прошлый раз, я навел справки. Стоит оно немало, — с нарочитой осторожностью произнес Ли Дачэн. — Интересно, сколько наличных ты сможешь выложить?

Жун Бай небрежно обронил:

— Да немного, всего пару десятков тысяч.

Пару десятков тысяч? Хотя Ли Дачэн и знал, что Жун Бай богат, он никак не ожидал, что суммой в десятки тысяч можно бросаться со словом «всего». Похоже, слухи о том, что нынешние торговцы купаются в деньгах, вовсе не пустые слова.

— Послушай-ка, племянничек, — Ли Дачэн сменил обращение к Жун Байю. Лицо его расплылось в улыбке, словно он и впрямь был старшим родственником юноши. — Скажи, если ты купишь это помещение, не понадобятся ли тебе люди, чтобы присматривать за ним?

Если бы Жун Бай не понял скрытого подтекста слов Ли Дачэна, он был бы круглым дураком, зря прожившим столько лет на свете.

Жун Бай тоже озарил лицо наивной улыбкой, изображая избалованного молодого господина, который никогда в жизни не сталкивался с житейской жестокостью:

— Нанимать людей, конечно, придется. Но вы же знаете, я здесь впервые и, кроме вас, никого не знаю. Вдруг попадется нечестный человек? Мои деньги ведь тоже не с неба упали, верно?

Ли Дачэн с видом знатока закивал:

— Дело говоришь! Сразу видно, что в семье занимаются бизнесом — мыслишь куда толковее остальных.

— Эх, раз уж мы родственники, я похожу погляжу за тебя. В крайнем случае сам приду помочь, — Ли Дачэн тяжело вздохнул, изображая искреннюю заботу о Жун Байе.

Жун Бай посмотрел на Ли Дачэна с полнейшей благодарностью:

— Тогда вся надежда на вас! Кстати, пусть Яньбай эти выходные поживет у меня.

Ли Дачэн слегка удивился:

— Разве он не станет докучать тебе? К тому же мальчишка этот невоспитанный, как бы не испортил твою мебель или еще чего.

— Да нет, я холостяк, дома особо и не прибираюсь... — Жун Бай недоговорил, намеренно остановившись на полуслове и не раскрывая всех карт.

Услышав это, Ли Дачэн успокоился, заодно окончательно уверившись в том, что Жун Бай — истинный ребенок из богатой семьи, раз в таком возрасте совершенно не умеет вести хозяйство. Он как-то позабыл, что сам гоняет Цзян Яньбая по дому с утра до вечера.

Ли Дачэн крикнул в угол, где сидел Цзян Яньбай:

— Маленькая свола... то есть Яньбай, иди сюда. Твою двоюродный брат хочет взять тебя к себе на выходные. Смотри мне, не делай глупостей, и если брат велит что-то сделать, выполняй беспрекословно. Слышал?

Цзян Яньбай поднялся со сломанной табуретки, ничего не ответил Ли Дачэну и выпрямился во весь рост перед Жун Байем, немигающим взглядом вглядываясь в его лицо, словно пытаясь разгадать истинную цель этого поступка. Он уже прямо говорил Жун Байю, что у него свои планы на пребывание в этом доме.

Жун Бай тоже смотрел на Цзян Яньбая, и его на мгновение испугала та лютая злость, что плескалась в глазах мальчика.

Цзян Яньбай еще не умел сдерживать эмоции и походил на детеныша тигра, который жаждет обзавестись острыми когтями и крепкими зубами, способными вырвать кусок мяса из плоти врага.

Но пока он был слишком слаб. А у слабых существ испокон веку не было права на ответный удар. Каждая попытка выпустить когти лишь на шаг приближала его к пропасти, загоняемая врагами всё глубже.

Благородный муж и через десять лет не считает мсть запоздалой.

Вспоминая прошлое, Жун Бай думал о том, как после свадьбы с Цзян Яньбаем он наводил справки о его родственниках и узнал лишь, что двоюродный брат мальчика загремел в рехабы из-за наркотиков; про остальных же выяснить ничего не удалось.

Теперь, поразмыслив над характером Цзян Яньбая, он понимал: рассчитывать на то, что тот, добившись успеха и признания, просто оставит этих людей в покое, было бы безумием.

На внутренних весах Цзян Яньбаю всё взвешивалось с абсолютной точностью: кто относился к нему хорошо, а кто плохо — он помнил каждого.

Когда Жун Бай и Цзян Яньбай познакомились много лет назад, мальчик присутствовал на школьном вечере как один из спонсоров библиотеки. Жун Бай тогда занимал пост председателя студенческого совета и как раз проверял расстановку декораций, когда заметил, что тяжелая металлическая ферма за спиной Цзян Яньбаю начинает заваливаться.

Мгновенно среагировав, Жун Бай в два счета отдернул Цзян Яньбаю в сторону.

По инерции тело Цзян Яньбаю качнулось, и он рухнул прямо на Жун Байя. Их лица оказались так близко, что нос почти касался носа, а глаза смотрели прямо друг на друга — толкни кто Цзян Яньбаю еще хоть чуть-чуть, и они бы столкнулись губами.

Позже, в знак благодарности, Цзян Яньбай пригласил Жун Байя поужинать, после чего и началась его неотступная, осаждающая кампания по завоеванию сердца.

Всякий раз, вспоминая об этом, Жун Бай невольно улыбался.

Можно сказать, тогда он выступил в роли благородного спасителя красавицы?

— Пошли, — выведя Цзян Яньбаю за дверь, Жун Бай зашагал с ним по улице. Мальчик по-прежнему был обут в матерчатые туфли с торчащими наружу пальцами ног, и хотя ледяной ветер пронизывал всю улицу насквозь, казалось, он ничего не чувствует, словно совсем онемел от холода.

Цзян Яньбай посмотрел на Жун Байя:

— Куда мы идем?

Жун Бай улыбнулся, и на этот раз его улыбка шла из глубины души. Холодный ветер трепал волосы, лаская лицо.

Глаза Цзян Яньбаю мгновенно расширились. Он смотрел на Жун Байя и чувствовал: тот вроде бы стоял совсем рядом, но при этом казался совершенно недостижимым.

— Куда? Куда-нибудь купим тебе новую одежду и обувь, летнего тоже наберем, — не удержавшись, Жун Бай снова взъерошил волосы Цзян Яньбаю. На ощупь шевелюра напоминала то ли стриженую собаку, то ли что-то в этом роде, но рука лежала на голове на удивление приятно.

Цзян Яньбай поджал губы:

— Зачем тратить? Даже если купишь, я всё равно носить не буду, всё достанется Ли Фу.

— Твое останется твоим, никто у тебя это не отнимет, — Жун Бай присел на корточки, заглядывая в глаза Цзян Яньбая и совершенно не обращая внимания на снующих вокруг людей. — Если хочешь что-то удержать, держи мертвой хваткой и не отпускай. Не собираешься же ты провести с этой семейкой всю жизнь? Ты еще мал, впереди бесконечное будущее, не загоняй себя в ловушку.

— Зачем ты отдал Ли Фу двадцать юаней? Зачем принес тому мужику вино и часы? — Цзян Яньбай, казалось, потерял контроль над собой. На долю секунды он превратился в обычного ребенка своего возраста, яростно и остро выкрикивая вопрос: — Если это принадлежит мне, зачем раздавать всё им? Ты мой двоюродный брат, моя родня, с какой стати? А? С какой стати?

Глаза Цзян Яньбая покраснели так, будто в следующее мгновение из них брызнет кровь. Он то ли у Жун Байя спрашивал, то ли обращался к самому небу:

— Почему то, что принадлежит мне... мои вещи...

Жун Бай протянул руки и крепко прижал Цзян Яньбая к груди. Такой крошечный человечек — он казался слишком маленьким, чтобы заполнить собой пустоту в объятиях.

— Всё это твое. Принадлежит только тебе, и никто на свете не сможет этого отобрать. Просто ты еще не встретил то, что по-настоящему должно быть твоим, — сердце Жун Байя дрогнуло. То ли из сострадания, то ли из жалости, но в эту самую секунду ему отчаянно захотелось поделиться с мальчиком хоть каплей собственного тепла.

Прохожие на улице косились на них, как на сумасшедших: посреди улицы обнимались двое, причем молодой человек был одет с иголочки, но ничуть не гнушался опуститься на колени прямо на грязную мостовую. И надо же было так испортить отличный костюм.

Цзян Яньбай медленно поднял короткие руки, обвил ими спину Жун Байя и вцепился в его пиджак с такой силой, словно собирался держаться вечно и никогда больше не отпускать.

Спустя какое-то время Жун Бай наконец разжал объятия.

Выражение лица Цзян Яньбая вернулось к прежнему привычному состоянию — отрешенному и бесстрастному. Он даже не стал возражать, когда Жун Бай повел его в универмаг.

— Как тебе это? — поддавшись на уговоры продавца-консультанта, Жун Бай заглянул в детский отдел. Пестрые наряды пестрели во все глаза.

Продавщица с лучезарной улыбкой и самым услужливым видом зашебетала:

— У нас есть вещи импортного производства, отличного качества, сплошной премиум-класс,

детскую кожу не повредят.

— Заверните-ка вот эти комплекты. Яньбай, иди примерь, — Жун Бай отобрал несколько костюмов: часть потемнее, часть посветлее, фасоны по тем временам вполне модные.

Цзян Яньбай чувствовал себя не в своей тарелке. Он сроду не бывал в таких магазинах, а всю его одежду составляли обноски после Ли Фу — то, что тот уже сносил или порвал, и от чего соизволил отказаться.

Впрочем, проникшись доверием к Жун Байю, он всё же послушно шагнул в примерочную.

После каждой примерки Цзян Яньбай послушно выходил показаться Жун Байю.

— Заверните все эти вещи. Детская обувь у вас есть? — Жун Бай повернулся к продавцу.

Консультант редко встречала столь щедрых покупателей; оправившись от минутного шока, она мгновенно напустила на себя профессиональный вид, попросила коллегу упаковать одежду и повела Жун Байя в обувной отдел.

Когда они вышли из универмага, Цзян Яньбай выглядел совершенно другим человеком. На его ногах красовались новейшие детские кроссовки, а сам он был одет в джинсовый комбинезон. Выглядел он точь-в-точь как взрослый миниатюрного роста — пожалуй, даже одноклассники не узнали бы его с первого взгляда.

— Пойдем, надо еще разобраться с твоей прической, — улыбнулся Жун Бай, крепко взял Цзян Яньбая за руку и зашагал вперед, подстраиваясь под шаг мальчика.

На сердце у Жун Байя царил удивительное, ничем не нарушаемое спокойствие.

Он не знал, с чем ему придется столкнуться дальше, но был твердо уверен в одном: позволить Цзян Яньбаю и дальше влачить такое детство он не позволит.

Про себя он уверял себя, будто милосердие и жалость к мальчику просто взяли верх, отказываясь признавать, что в нем еще жила любовь к этому властному, жесткому мужчине.

<http://bllate.org/book/24643/2898752>